

КРАСОТА И СТИЛИЗАЦИЯ

В СВОЕМ театре за этот год я не сыграл ни одной новой роли. Причиной этому послужило продолжавшееся пребывание театра на бивуачном положении, препятствующее широкому развороту производственной работы. Однако я не могу сказать, что этот год я провел в состоянии безделья. На мой взгляд, невозможно представить себе советского художника в таком состоянии. Для меня этот год, хотя я не сыграл в своем театре ни одной новой роли, был чрезвычайно интересным и богатым.

Во-первых, кино. Я не принадлежу к числу тех театральных патриотов, которые работу в кино рассматривают, как потерю времени, как халтуру, более или менее терпимую из-за ее материальной выгоды. Для меня кино — огромное и любимое искусство. И хотя мне до сих пор в нем не очень везло (из трех моих актерских работ только одна дошла до экрана), я продолжаю относиться к нему с энтузиазмом новичка... Вы видели моего адъютанта в «Поручике Кижее». Для меня эта роль, хотя она и не способствовала выявлению новых прежде скрытых актерских качеств, была чрезвычайно интересной и, на мой взгляд, полезной. В нахождении внешней формы этого образа мне помог блестящий рисунок русского ху-

дожника начала XIX в. Орловского «Кавалергард». Отталкиваясь от этого рисунка, я создал ту шаржированную фигуру, дворцового петиметра, подлинного персонажа исторического анекдота, которую вы видели в фильме. Мне кажется, эта фигура оказалась вполне в манере тыняновского повествования. Роль адъютанта в «Поручике Кижее» является продолжением той «гаерской» линии моих актерских работ, которая в моем творчестве развертывается, как говорит чертежник, по потухающей кривой. Но все же не поручусь, что это последняя вспышка...

К работе в кино отношусь в высшей степени строго и требовательно, как к себе самому, так и к предлагаемому мне драматургическому материалу. По этой причине невольно приходится быть несколько капризным и часто отказываться от различных предложений. Так недавно мне предложили играть в одном сценарии роль белогвардейца, живущего в 1934 г. в советском лесу и поджигającego во вредительских целях колхозный мост через болото, по которому можно пройти, как это выясняется по ходу действия сценария, без всякого моста. Конечно, подобный далеко не реалистический и просто глупый образ играть не только трудно и нелегко, но даже невозможно.

Радио... Большое место в моей работе занимало и занимает радио. Работа на радио для меня увлекательнее прежде всего тем, что она дает мне возможность так сказать, изживать свои литературные увлечения. Я прочел потрясающую эпопею Новикова-Прибоя «Цусиму» и поставил ее на радио. Прочел замечательный роман Луи Селина «Путешествие на край ночи» и сейчас так же делаю на материале этой книги радиоспектакль. Перечел «Слово о полку Игореве», прочел «Историю Ижорского завода», и разрабатываю план их радиоспектаклей. На радио я работаю и как актер и как режиссер. Большой частью сам ставлю и сам играю. Как и кино, радио для меня отнюдь не является той горе-стратегической «заранее приготовленной позицией», куда я отступаю в паузах от работы в театре, но вполне самостоятельной ценной, привычной и любимой областью работы. В каждом своем радиоспектакле я ставлю себе определенный круг новых творческих задач, выполнение которых делает для меня эту работу субъективно интересной. Как уже можно судить по названиям моих радиопостановок, ме-

ня на радио увлекают монодраматические и эпические жанры. «Цусима» была попыткой сплавить монодраму с эпосом. В работе над «Словом о полку Игореве» я хочу, избежав прямой стилизации старинных сказительских приемов, применить принципы современного сказа.

В области театра за этот год я проявил себя, главным образом, как активный зритель. Самые сильные театральные впечатления года «Дама с камелиями» Мейерхольда и «Катерина Измайлова» Шостаковича. В «Дама с камелиями» впервые за многие годы звывчала на советской сцене человеческая жизнь, взятая так глубоко и всерьез, что становится обидно за героев наших советских пьес, к которым наши драматурги и режиссеры еще не научились относиться с таким вниманием и любовью, как отнесся Мейерхольд к далекому от нас и почти безразличным нам парижанам XIX века. Огромное впечатление произвела на меня новая опера Шостаковича. Я видел ее и в Ленинграде и в Москве и решительно отдаю предпочтение московской постановке. Спектакль театра им. Немировича-Данченко своей простой и скромной сдержанностью ближе к гениальной музыке Шостаковича, чем спектакль Малого оперного театра в Ленинграде.

Моя собственная творческая работа на театре ограничилась режиссурой. Я поставил в московском передвижном «Театре новой драмы» спектакль «Братья Кастильони». Если эта работа не получила большого резонанса, то этому виной, мне кажется, не качество спектакля, а более чем скромное положение данного театра.

Теперь самое главное... Совместно с Х. А. Лукшиной я написал киносценарий «Женитьба» по Гоголю. Эту работу считаю основным фактом своей творческой жизни за этот год. Почему я, актер, взялся за сценарий? Потому, что мне давно и упорно хотелось сыграть Подколесина. Этот образ я считаю одним из самых замечательных образов, вышедших из под гоголевского пера. В русском театре образ Подколесина, как и вся пьеса «Женитьба», не имеет такой богатой опернической истории, как, например, образ Хлестакова в пьесе «Ревизор». Подколесина играли многие замечательные актеры, но ни одно из исполнений этой роли не было крупным художественным успехом. И вот я взял на себя смелость попытаться изменить судьбу этой несчастливой комедии и заработать ей, ес-

ли не в театре, то в кино тот успех, на который она имеет не меньшее право, чем другие произведения Гоголя. Отличие моей работы от других инсценировок Гоголя в том, что я в своей транскрипции «Женитьбы» не выхожу за пределы образов данной комедии, не привлекаю образный материал из других вещей Гоголя. Читать Гоголя меня научила работа Мейерхольда над «Ревизором». «Ревизор» Мейерхольда — это синтетический Гоголь. Моя «Женитьба» будет только одним элементом синтеза. В сценарии сохранен гоголевский диалог, изменению подверглось только место действия пьесы, вышедшее за пределы интерьера, и некоторые конкретные сюжетные ситуации при оставшейся неизменной фабуле.

Очень многим в отношении полноты переживаний, чувств и мыслей за этот год я обязан своим поездкам. Мне пришлось много ездить. Грандиозное впечатление осталось от Сибири, от индустриализирующегося Урала и по возвращении — от всегда новой и неожиданной Москвы. Особенно запомнился индустриальный гигант в Сталинске. Его мощь и силу подчеркивает старомодный пейзаж окрестностей, степей и старинного городка Кузнецка, где когда-то жил сосланный Достоевский и из домов которого, кажется, и сейчас могут выйти какие-нибудь персонажи Островского. Эти контрасты надолго остались в памяти. Кстати о контрастах. Неизменный контраст перестраивающейся и обновляющейся Москвы с неподвижным пейзажем Колизея на Триумфальной площади, надо признаться, начинает меня удручать.

Архитектурные впечатления... Приятное и тяжелое с эстетической стороны впечатление произвел на меня рабочий поселок в Сталинске, выстроенный под руководством архитектора Май. Эти 60 серых корпусов монастырского вида, выстроившихся по правилам так называемой «постройки застройки», оскорбляют глаз своим тоскливым однообразием. Кажется, руководители строительства уже поняли допущенную архитекторами ошибку и поручили художнику Лестикову оживить поселок декоративным оформлением домов, что, надо сказать, он делает довольно искусно. Совершенно иное впечатление производят дома другого соседнего рабочего поселка. В них радуется глаз та естественная целесообразность, которая и есть псевдоним красоты.

Естественное устремление к красоте, которое так характерно для худо-

жественной жизни этого года, вызывает во мне инстинктивную оппозицию против тех явлений искусства, где это устремление выражается в формах стилизации. Я имею в виду, например, знаменитые колонны Желтовского на Моховой. В связи с этим хочу возразить Илье Эренбургу в его нападениях, в речи, произнесенной на съезде писателей, на живопись русских художников середины XIX в. Мы слишком увлекаемся, так сказать, живописной стороной живописи. Те художники, о которых говорил Эренбург, плохо владели этим, но их способность видеть «жанр» в живых явлениях жизни, видеть собственную «манеру» этих явлений, а не рассматривать их через определенную, уже сложившуюся живописную «манеру», может многому научить молодого советский реализм...

Вот немногие беглые мысли о тех художественных впечатлениях, которые дал мне этот год. Мечтая в новом году работать так же напряженно и разнообразно, пожалуй, еще напряженней и разнообразней, я все же продолжаю считать своим основным делом, так сказать, естественным центром своей деятельности, актерскую работу в театре им. Мейерхольда.

31